

С. С. Михайлов

**ТАИНСТВЕННАЯ МЕСТНОСТЬ
«ТУГЛИЦЫ» И ХМЕЛЬ
В ЕГОРЬЕВСКОМ УЕЗДЕ**

г. Владимир 2016

УДК
ББК
М69

Михайлов Сергей Сергеевич

М69 Таинственная местность «Туглицы» и хмель в Егорьевском уезде : / С. С. Михайлов. – Владимир : Изд-во ООО «Транзит-ИКС», 2016. – 36 с.

© Михайлов С. С., 2016

© Издательство ООО «Транзит-ИКС», 2016

От автора

Мещёрский край, его история, культура, самобытность, представляет собой огромное «белое пятно». Можно констатировать, что мы крайне мало знаем даже официальную историю этого региона, а также то, что нам практически ничего не известно об истории и особенностях микрорегионов, которые составляют Мещёру. Исследователи прошлого упоминали мещёрские субэтноты куршаков, мамаев, парахинцев, баляков и др., но ничего не написали о том, что тот или иной из них себя представляет, а это были свои сообщества со своими говорами, менталитетом, культурой. Сейчас, в начале XXI столетия старые границы, которые отчетливо фиксировались сто лет назад, исчезли. Порой, в настоящий период, невозможно узнать у потомков как называлась мещерская группа, к которой принадлежали прадеды и прапрадеды. Мещёрская традиционная культура во всех ее проявлениях практически утрачена. Нам остается только по отдельным моментам в старых публикациях, а также в обрывках исторической памяти старожилов того или иного мещерского уголка, пытаться искать отдельные моменты, чудом зафиксированные в свое время кем-то из авторов прошлого, или застрявшие в чьей-то памяти, а потом поведенные выходцем из какого-то населенного пункта.

Сейчас, также опираясь на старые публикации, нам хочется поговорить об одном, давно забытом уголке западной части Мещёры, в бывшем Егорьевском уезде Рязанской губернии, имя которого еще столетие тому назад было известно и даже часто попадало на страницы периодики.

Таинственная местность

Прежде мне уже доводилось касаться темы загадочной местности «Туглицы», о которой время от времени попадаются упоминания в периодике конца XIX – начала XX вв.[1] Местность эта находилась в составе Егорьевского уезда Рязанской губернии и на тот момент официально на административных картах не значилась. Окончание данного топонима, без какого-либо сомнения, является славянским. Но, касательно корня этого слова, то здесь однозначно нельзя искать объяснение в словах «тужить», «тугой» и т. п. Однако, от краеведов, которые в настоящее время пытаются изучать прошлое Шатурского района и ряда соседних местностей, часто можно услышать наивные трактовки данного географического имени, что якобы в местный лес древние люди приходили тужить «в горестных для себя случаях».

Так, как же автору этих строк удалось наткнуться на название этой местности? Просматривая в библиотеке подшивки газеты «Московский листок» за 1880-е годы, я наткнулся на несколько заметок, где и были упомянуты Туглицы. При первой встрече такого топонима, в голову прежде всего приходит мысль, что малограмотный корреспондент газеты при написании заметки неправильно воспроизвел на бумаге услышанное им незнакомое название. Однако, Туглицы встретились еще, и не один раз, причем в одном месте заметка об этой таинственной местности соседствовала с заметкой про Гуслицы. Стало понятно, что это не неправильно указанные Гуслицы, а совершенно иная, не знакомая прежде местность. С ней надо было как-то разобраться.

Вначале, конечно же, надо привести сами газетные заметки. В прежних своих публикациях я приводил их полностью, сейчас же представлю только фрагменты, где есть интересующая нас информация. Приведем три отрывка из газеты «Московский листок» за 1880-е годы. Местность Туглицы и то, что с ней связано, будет выделено жирным шрифтом.

1. ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ

Егорьевский уезд (Рязанской губ.)
(от нашего корреспондента)

22 сентября

*...При упадке ручного качества, весьма распространенного в уезде, мужички снова стали братья за матушку-кормилицу соху и разделявают хмельники, дающие нынче очень крупный доход. А ткацкое дело в настоящее время совсем сбилось: в **Туглицях** бывало, что ни двор, то ткацкие станы. Жители **туглицкого околотка** только этим и занимались. Более предприимчивые из них отправлялись за бумажную пряжу в Павловский Посад, Орехово-Зуево и более отдаленные места и, взимая у тамошних фабрикантов крупными партиями в качестве комиссионеров-мастерков, раздавали пряжу по всем деревням **Туглиц**, получая за это определенный% с выработанного куска...[2]*

Здесь предлагаю запомнить упоминание о хмельниках. Этот момент будет нам важен несколько ниже.

2. ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ

Егорьевск, Рязанской губ.
(от нашего корреспондента)

12 февраля

*...В **Туглицях**, в этом обширном кустарном районе, фабрички и «светелки», где выработывались недорогие бумажные ткани, стоят большей частью заколоченными. Мастерки и комиссионеры крупных фабрикантов, раздававшие по **Туглицам** прежде основу и пряжу для тканья, побросали свои дела. Говорят, не из чего стало хлопотать...*

Далее, в заметке идет речь об открытии «в городе», т. е. в Егорьевске, старообрядческого прихода, а в начале заметки говорится о фабрикантах Бардыгине и братьях Князевых, чьи предприятия на-

ходились в самом городе.[3] Получается, что разговор ведется опять об окрестностях Егорьевска.

3. ЭКСТРЕННАЯ ПОЧТА

(от наших корреспондентов)

По фабричному делу. По сообщениям из Туглиц – фабричная местность в Егорьевском уезде, Рязанской губернии, у некоторых мастеров-комиссионеров приостановки в работах в настоящее время нет. Здесь имеются комиссионерские конторы таких солидных фирм, как например, товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сына и К., товарищества мануфактур Викула Морозова с сыновьями, в местечке Никольском, Владимирской губернии. На комиссионеров этих фирм работают только самые отборные ручные ткачи туглицкого кустарного района...[4]

И, наконец, мы приведем последнее, обнаруженное в старой прессе упоминание Туглиц, которое датировано уже 1912 годом и обнаружено нами в уездной газете «Богородская речь». Заметка посвящена одной из волостей Богородского уезда, которая, кстати, входила в исторические Гуслицы. Мы также представим вашему вниманию только кусочек, где упоминается интересующий нас регион.

4. ИЗ ДОРХОВСКОЙ ВОЛОСТИ

...Пассажиры в Дорхове очень ропщут на излишние поборы перераспределенными за проезд по новой чугунке. Дорхово отстоит от Москвы на таком же расстоянии как и ст. Дрезна, Ниж. ж.д. От Дрезны до Москвы можно доехать за 90 коп. , а от Дорхова за 1 р. 55 коп. по тарифу от ст. «Запутная», расположенной в Туглицах, в соседнем Егорьевском уезде. Таковы порядки на новой Арзамасской дороге.[5]

Немного прокомментируем вышеприведенное. «Дорхово» – нынешняя станция «Авсюнино», именовалась изначально по деревне, которая находится рядом (ныне – по деревне, которая немного отстоит от станции). «Арзамасская дорога» – сданная в эксплуатацию как раз в 1912 году железнодорожная ветка «Люберцы – Арзамас», так именовалась линия, которая идет через Куровскую, Шатуру, Черусти, далее на Муром и Арзамас. Сейчас она идет и далее последнего города, на Нижний Новгород, Сергач, Казань.

Теперь комментарий к «туглицким» заметкам. Из них мы видим, что местность Туглицы является обширным кустарным районом, который расположен в Егорьевском уезде Рязанской губернии. Заметки 1880-х годов не дают нам каких-либо привязок к населенным пунктам этого региона. В заметке 1912 года дается некая конкретика о том, где Туглицы начинались – сразу за границей Богородского уезда Московской губернии, там, где заканчивалась Дорховская волость. Станция «Запутная», устроенная при прокладке ж.д. линии «Люберцы – Арзамас», а, следовательно, и деревня, от которой она получила свои название, были уже в Туглицах. Явно эта местность на сколько-то верст тянулась на юг, в сторону Егорьевска. На сколько она продолжалась на восток и на север, мы не знаем. Не исключено, что в Туглицы входила деревня Зворково, которая расположена чуть севернее Запутной. По поводу кустарного района – промыслами, в том числе и ткацким, занимались практически во всех местных егорьевских уголках, равно как и в соседнем Гуслицком регионе, да и не только в нем. В Клеменово и Ново-Егорье даже появились фабрики. В известном статистическом исследовании по Егорьевскому уезду, вышедшему в 1887 году, в главке «Тканье бумажных изделий», мы читаем, что первым в уезде в 20-х гг. XIX века первым стал заниматься ткачеством в промышленном масштабе крестьянин Карпов, который открыл «ткацкую» в селе Алёшино (в то время еще деревне).[6] Далее мы читаем: «Особенно развит этот промысел в волостях: Поминовской, Старо-Василевской, Петровской, Старовской, Нечаевской, Лузаринской, Двоенской, Василевской и Парыкинской».[7] Большинство этих волостей, разве что кроме Парыкинской и Лузаринской, были расположены в западной части уезда, вблизи самого Егорьевска.

Попробуем поискать информацию об этом таинственном регионе дальше. В книге рязанского историка Николая Аграмакова среди описаний, куда шли из Рязани обозы, мы читаем: «Часть „длинных обозов“, минуя Спас-Клепики, направлялись на Туголицы – Дмитрий Салынский, – Фрол, в Егорьевский уезд...».[8] К сожалению, автор не ссылается на источник своей информации, что, возможно, помогло бы нам в исследовании. С «Дмитрием Салынским» нам все ясно – это Дмитровский погост, центр местности «Коробово» на востоке Егорьевского уезда. «Фрол» – село (погост) Радушкино также в восточной части Егорьевского уезда.

В докладах Егорьевского Уездного Земского Собрания за 1890 год, в определении «Относительно починки дороги от г. Егорьевска на с. Большое Гридино до Лузгаринской волости» мы читаем: «...Дорога от г. Егорьевска в местность называемую Туголицею, учреждена очень давно еще при крепостной зависимости крестьян и имела значение как удобный путь, соединяющий г. Егорьевск с селом Власовским в котором находилось правление государственных крестьян...».[9] По данному документу мы видим, что дорога от Егорьевска до Власовского имела все признаки уездной дороги, такой же значимой, как Касимовский и Владимирский тракты, но Туголицы упомянуты только как местность, куда дорога идет после Власовского.[10]

Так что есть таинственное название местности, которая, как мы видим, локализуется в прежнем Егорьевском уезде Рязанской губернии. Границы ее нам не понятны, но в нее входят фабричные окрестности города Егорьевска, а также уголок уезда с деревней Запутная. Туглицы – не Гуслицы, но как мы видим по последнему моменту, с Гуслицами они граничат. Если с Гуслицами, с определением их ранних (древняя волость) и поздних (самобытная старообрядческая местность) границ Гуслиц все более-менее ясно, то с Туглицами нам еще предстоит разобраться. Но, тут возникают еще и Туголицы, которые, судя по двум последним отрывкам, находятся где-то в районе административной Лузгаринской волости Егорьевского уезда, что значительно восточнее окрестностей самого Егорьевска. Туглицы и Туголицы – два варианта названия одной местности, или это разные микрорегионы? Что касается ткачества в Лузгаринской

волости, то в ее описании, которое приведено в уже цитированном нами статистическом издании, то, вопреки наличию ее в списке волостей с особенно развитым ткачеством, здесь упомянуты только две мануфактуры. [11]

Погост Туголес и Тугольская волость

В бывшем Егорьевском уезде Рязанской губернии, а ныне – в Шагурском районе Московской области, есть погост Туголес, который ныне фактически поглощен соседней деревней Лузгарино. О его истории мы знаем очень мало. В книге священника И. Добролюбова, посвященной храмам Рязанской губернии, мы видим такую информацию: «Туголес, состоявший до 1779 года во Владимирской губ., в стане Ловчего пути, в качестве погоста упоминается в переписи. Владимирск. кн. 1705 г., но, без сомнения существовал много ранее.» [12] Как типичный погост, он представлял собой храм с домами церковного причта и приходским кладбищем. В 1887 году в этом погосте проживало 4 семьи священно и церковнослужителей (7 лиц мужского пола и 14 женского), а также 9 семей разночинцев (19 муж. пола и 21 жен. пола). [13] К началу XX века, по сведениям И. И. Проходцова, погост постепенно превращался в небольшое село, где находилось 14 дворов с населением 96 человек (39 мужского пола и 57 женского пола). Помимо указанного имени, это место также именовалось «Туголец» и «Пятница». [14] Первое название, как видно невооруженным глазом, представляет собой более славянизированную форму, а второе обязано стоящему здесь храму во имя Параскевы Пятницы.

Ранее была известна и Тугольская волость Владимирского уезда, центром которой, судя по всему, являлся погост Туголес. Точных ее границ мы не знаем. На данный момент, благодаря помощи исследователя Воскресенского района Московской области – А. Н. Фролова, нам известны два упоминания об этом административном образовании, которые относятся к первой трети XVII века. Первое упоминание – опубликованная в 1985 году в журнале «Советские

архивы» А. П. Станиславским «Челобитная казаков царю Михаилу Федоровичу о вознаграждении их за службу и выплате им жалования в увеличенном размере». В этом документе говорится, что во время прихода под Коломну гетмана Сайгадачного с черкасами, упомянутые казаки «...и от Коломны отошли прочь и, отошед, стали в Туголской волости...».[15] Станиславский, в комментариях к представленному им тексту, который датировался своим появлением не позднее 10 октября 1618 года, написал следующее: «Казакки остановились в Туголесской волости Владимирского уезда».[16] Здесь у нас возникают вопросы: откуда указанным автором взята такая форма административного топонима – «Туголесская»? К сожалению, он не дает нам такой информации. Возможно, где-то есть упоминания о нем, но, скорее всего, Станиславский (однофамилец великого деятеля мировой культуры) ассоциировал Туголскую волость с погостом Туголес, часто встречающемся в более поздних источниках. Мы же очень сильно сомневаемся, что форма «Туголесская» могла существовать, а указанный автор выдал ее, опираясь на позднее название погоста.

Второе известное нам упоминание о загадочной волости находится в «Памяти из Конюшенного приказа в Разряд о доставлении в Конюшенный приказ крестьянами разных волостей Владимирского уезда крюков к колымагам и полозьев к капитанам», датированной 1630 годом. Здесь мы видим, что: «...и наперед сего тот лес пасли Володимерского уезда сельца Муромского, да волости Туголи, да волости Шатули, да волости Мичева, да волости Тумы, да волости Тороки, да Вышелесской, да Кривандинской, да Польской волости крестьяне...».[17] Здесь мы видим или подлинный вариант названия волости – «Туголь», но возможно, что топоним не склонялся и звучал «Туголи», или один из вариантов, использовавшихся наряду с «Тугольская». Здесь также появляется вопрос с упомянутой здесь же Кривандинской волостью и погостом Туголес, как центром волости Туголи – они расположены всего в нескольких километрах друг от друга. Или центр Тугольской волости был в другом месте, а не там, где мы знаем Туголес, или же два административных центра располагались на окраине, у границ своих территорий.

Туголес и Тугольская волость находились в древнем Владимирском уезде. То, что нам представляется газетными заметками как «Туглицы», находилось в Высоцкой волости и соседней Шатурской. Высоцкая волость в древнем Коломенском уезде возникла чуть ли не самой последней – известна с XV столетия. Ее центр – село Высокое, впервые упоминается в духовной грамоте Василия Темного в 1462 году. Возможно, что до этого ее земли прежде входили в состав древней волости Тугольской (Туголь, Туголи). Возможно, когда-то существовала какая-то древняя местность, территория которой охватывала земли, где нам известны упомянутые уголки, носящие рассматриваемые топонимы. Позже ее части оказались в разных административных образованиях. Возможно, что погост Туголес и был центром этого региона. Сейчас, за отсутствием документов, могущих пролить свет на ее раннюю историю, нам уже никто не даст нужного ответа. Но, так или иначе, в приведенных нами поздних упоминаниях, Туглицы расположены в уголках Егорьевского уезда, находящихся в другой его части, нежели погост Туголес и упомянутые практически в то же время, что и Туглицы, явно связанные с ним Туголицы.. Суда по документу Конюшенного приказа, западне волости Туголи были волость «Шатуль» и Кривандинская, которые фактически отрезали будущий Егорьевск (в те времена село Высокое) от нее. Здесь сразу возникают следующие вопросы: связаны ли Тугольская волость – поздние Туголицы, с Туглицами? Была ли это когда-то единая древняя большая территория, или же два названия возникли параллельно, благодаря географической особенности, о которой мы поговорим ниже?

Скорее всего, Туголес, а с ним и Тугольская волость, и Туглицы никогда не являлись единым целым в административном плане и их названия, явно возникли параллельно благодаря хмелю, о котором мы поговорим ниже. Здесь, для большей конкретики, нам остается только надеяться на новые находки архивных документов, которые могли бы прояснить ситуацию. Не исключено, как, например, в случае с другим мещёрским регионом, известном как Ялмать, четко читаемом еще в начале XX века благодаря диалектным моментам, Туглицы-Туголицы изначально могли быть местом расселения какого-то мещерского или мурманского субэтноса. Никаких сведений на эту тему нет.

Кто мог дать такое имя?

Оставив наивное мнение о лесе, в который специально приходили тужить, попытаемся все же найти причину появления данного географического имени. Древние люди, не важно, к какому народу они принадлежали, были людьми очень практичными и давали имена рекам, урочищам, населенным пунктам и прочим географическим объектам, исходя из каких-то их особенностей. Это было необходимо, дабы легко то или иное место отличать от других. Так что надо искать причину «Туглиц» в том, что в них было и по названию этого в языках народов, которые жили или живут в этом месте. Если отбросить уже упомянутое нами «тужить», то прежде всего станет напрашиваться русское слово «тугой». Но, оно также более чем спорно. Если мы попытаемся уйти от русского языка, то сразу же встанем перед необходимостью поиска в языках древнего известного населения Западной Мещёры – финно-угров. Они, некоторые столетия назад растворившиеся среди современных русских, оставили большое число названий рек, населенных пунктов, урочищ.

Поскольку, в дославянский, вернее, касательно данного региона – в дорусский период, здесь проживал народ мещера, входивший в состав древнего финно-угорского населения Центральной России, то и какое-либо объяснение эго происхождения надо искать в финских языках. Мещерский язык, судя по сохранившейся топонимике, был очень близок мордовскому-эрзя. Помимо мещеры, здесь могли проживать и локальные группы двух других родственных ей народа – мери и муромы. Последняя, казалось бы, известна гораздо восточнее рассматриваемого нами региона – в окрестностях города Муром, который собственно ей и обязан своим именем. Но, на территории прежнего Егорьевского уезда, а в настоящее время – Шатурского района, известны топонимы «Муромское озеро», которое так называется по сей день, а также древнее «Муромское сельцо», ставшее позднее Дмитриевским погостом.

Небольшой поиск похожих «Туглицам» корней в современных финно-угорских языках, мы нашли искомое в языках пермских народов. В удмуртском языке есть слово *туг* в значении «хмель», в

языках коми и коми-пермяков это растение звучит как *таг*. [18] Отсюда можно выдвинуть предположение, что местность обязана своим именем этому растению. Казалось, это может быть одна из традиционных версий, которые возникают при изучении словарей и поисков в них похожих слов. Но, как сказал один из очень опытных исследователей микрорегиональной истории, изучать тот или иной топоним должны представители трех специальностей: лингвист, историк и географ. Мало найти похожий корень, надо еще проверить его историческими данными, а во многих случаях – также с точки зрения географических особенностей края, где он находится.

Окрестности Егорьевска тесно связаны с хмелем, о чем мы поговорим ниже. А погост Туголес? Когда я задался вопросом о происхождении его имени от финско-пермского слова в значении хмель, то поведал свои мысли и известному исследователю мещерских мегалитов – Дмитрию Павловичу Барскову. Он достаточно много походил по лесам Шатурского района и знал много особенностей того или иного места. Барсков сразу же предложил мне посетить окружающие Туголес леса. По его словам там можно встретить очень много дикого хмеля. Вот вам и географическое подтверждение версии! Последняя часть топонима явно с лесом ничего общего не имеет, выше мы видели более древние формы названия, но корень однозначно древний и существующий со времени проживания здесь финно-угров.

Может возникнуть вопрос: мещера и мурома являлись частью мордовско-эрзянского, т. е. поволжско-финнского мира. Почему тогда и в эрзянском, и в мокшанском, и в марийском языках слово «хмель» звучит иначе? Места проживания пермско-финских народов далеко, да и в историческое время здесь, на западе Мещёры, не известны. Меря относилась, по мнению многих авторов, к поволжско-финскому миру, возможно, она была особой ветвью финно-угорского мира, но никак не входила в состав пермско-финских народов. Известный автор, писавший на тему мерянского языка, Орест Борисович Ткаченко, писал: «...Исключение, видимо, составляет только мерянский язык. Попытки видеть в нем язык, близкий марийскому, вряд ли обоснованы. Более оправдано рассматривать мерянский язык в качестве связующего звена между прибалтий-

ско-финскими и мордовскими, а также, по видимому, марийскими языками. Наличие в мерянском языке отдаленных лексических элементов, общих с угорскими, возможно, говорят о каких-то древних меряно-угорских связях...».[19] Ткаченко говорит и о других контактах носителей мерянского языка с другими народами.

Тогда вполне понятно здесь могло появиться слово «туг» в значении «хмель». Оно могло происходить и из языка (или диалекта) какой-то местной группы мери, или заимствовано местной группой мещеры или муромы. Однако, это только наши предположения. Все же мы посмотрим на обозначение хмеля в современных финских языках помимо пермских (поволжских, прибалтийских), то придем к выводу, что это явно заимствования из индоевропейских языков. Все *humala* на финском-суоми,[20] *humal* на карельском[21] и *humal* на вепском,[22] *комля* на мордовском-мокша, *комоля* на мордовском-эрзя,[23] *умла* на марийском,[24] и уж очень похожи на русское слово «хмель». Интересный вариант рассматриваемого слова мы нашли в русско-эстонском словаре, изданном в 1946 году в Тарту. Здесь есть два значения, применяемые для растения хмель. Также, как в карельском и вепском – *humal*, здесь обозначен плод растения (знаменитая хмелевая шишечка), а само растения представлено словом *tapud*. [25] Последнее слово может быть древним обозначением хмеля у предков эстонцев, а первое – уже частично потеснившее его слово, бытующее у всех прибалтийских финнов. В древнем варианте и у предков прибалтийских финнов, и у поволжских, могло быть совершенно иное слово, идентичное тому, что сохранилось в пермско-финских языках. Так что и у групп мери и мещеры, которые обитали на территории современного Ярославля и Шатурского района (шире – Егорьевского уезда), хмель мог обозначаться древним, не заимствованным у славян, вариантом, который звучал как «туг» или в очень похожем на него варианте. Возможно, мещера и ярославская меря сохраняли древнюю форму названия этого растения даже тогда, когда остальные финские «родственники» усвоили то, что существует у них сейчас. Язык мещеры, хотя и был одной из ветвей эрзянского, возможно имел какую-то часть лексики, архаичной даже для остального мира эрзи. В настоящее

время, почти ничего не зная о мещерской речи и ее диалектах, которые неизбежно возникли ввиду большой территории расселения народа и сложности географического сообщения между рядом групп (ялмать, куршаки, парахинцы, мамыи и т. п.).

Выше мы привели слова из финских языков. А как же быть с угорскими параллелями? В самом крупном из угорских языков, в венгерском, слово «хмель» звучит родственно тем, что мы видели в прибалтийско-финских и поволжско-финских языках – komlo.[26] Такое, явно индоевропейское заимствование, могло попасть в этот язык и в очень древний период, когда еще неразделенная общность пра-финно-угров контактировала с индоевропейскими соседями, но, учитывая давнее соседство венгров со славянскими народами. Пришлые кочевники, обосновавшиеся среди славян, могли перенять название растения, которое до этого им было не знакомо.

Однако, хотелось бы привести еще одно слово, похожее на «туг», которое существует в карельском и вепсском языках. Это – taga, taka (карельск.) и taga (вепсск.) в значении «задний, расположенный сзади» и заонежский топоним Тогола.[27] К этому значению мы вернемся ниже.

Здесь, как мы с вами понимаем, сразу же возникает еще одна версия о Туглицах, Туголицах и Туголесе, как о местах, которые расположены где-то сзади, на задворках. Учитывая тот факт, что все эти места лежат не возле больших древних центров, а там, где в прошлом были глухомани, эта версия тоже имеет право на существование. Но, еще раз приходится сокрушаться в том, что до нашего времени не дошло словарей мерянского и мещерского языков, да еще с описаниями всех их региональных диалектов.

Ярославская «Тугова гора»

Но, остановимся на первой версии. Таким образом, рассматриваемый нами топоним вероятнее всего идет от слова в значении «хмель» из языка древнего финно-угорского населения этого края.

В таком случае неизбежно может возникнуть следующий вопрос: откуда появилось название «Тугова гора» в Ярославле, где в 1257 (или в 1255-м) году произошла битва между монголо-татарами и ярославцами, неудачно закончившаяся для русских? Почему именно она? Да это, на наш взгляд, самый известный исторический топоним с корнем «туг». Хотя от территории старинной Тугольской волости, погоста Туголес, да и окрестностей Егорьевска, куда анонимные авторы заметок «Московского листка» помещали наши Туглицы, даже по прямой не одна сотня километров, причина появления рассматриваемых географических имен здесь одна.

Немного о битве 1257 (по некоторым данным 1255) года. Она состоялась 3 июля (по старому стилю), когда ярославский князь Константин Всеволодович, один из сыновей первого князя Ярославского престола – Всеволода Константиновича, со своей дружиной попытался дать бой ордынскому отряду. Русские сражение проиграли, потеряв убитыми огромное число воинов, включая и самого князя. Если мы даже посмотрим Википедию – основной источник получения информации большинством наших сограждан, – то поймем, что сражение это легендарное, толком не подтвержденное ничем, кроме как народными преданиями. В «Русском биографическом словаре», к примеру, мы читаем о нем: «...известен по житию и сказаниям об обретении мощей его и старшего брата его Василия...». [28] Легендарность этого события подтверждают и современные публикации. Но при этом их авторы уверены в правоте народного предания. Легенда о князе Константине, который вместе со своим братом Василием был прославлен в лике святых, стала важнейшим элементом официальной ярославской истории и опровергать ее не станет никто.

Автор книги «История города Ярославля» В. Д. Головщиков пишет, что о битве на Туговой горе известно со слов «позднейшего» писателя – инока Пахомия, жившего почти через три столетия после описываемых им событий, уже в первой половине XVI века.[29] На нынешней Туговой горе стоит храм во имя Параскевы Пятницы и находится одно из старейших в Ярославле кладбищ, существовавшее еще до 1772 года. Первое упоминание о стоящем здесь храмо-

вом здании относится к 1628 году. Тогда здесь было село Пятницкое, в котором, судя по всему, было два храма – летний и зимний. Один из храмов был посвящен Благовещению Пресвятыя Богородицы и имел придел во имя Флора и Лавра. Второй храм имел собственно Параскевинское (Пятницкое) посвящение. Обе церкви были деревянные, срубленные клецки. «Среди прихожан Пятницкого храма было немало ямщиков, отправлявших казенную почту».[30] Это не удивительно – рядом проходила дорога на Москву и другие города. Ямщикам явно принадлежит заслуга в появлении при местном храме придела во имя Флора и Лавра – покровителям лошадей. В 1662 году здесь была построена новая деревянная церковь, на смену которой и пришел сооруженный через три десятка лет – в 1692 году – каменный храм, стоящий на Туговой горе, при местном кладбище, поныне.[31]

Здесь, в деле развенчания героического мифа, важен факт нахождения на месте мнимой битвы села. Не монастыря, не отдельно стоящего («погостом») храма, а именно села. Кажется весьма сомнительным, дабы там, где погибло большое количество народу, на почитаемом в связи с этим месте, люди поставили свои дома, стали жить со своими семьями. И это в те времена, когда были живы многие древние поверья об отношении к местам погребения и тем более к местам насильственной смерти! О том, что на Туговой горе исстари находилось кладбище, которое разрешили использовать и в екатерининскую эпоху, легко объясняется существованием места погребения жителей села Пятницкого, которое постепенно стало общегородским.

Но, так или иначе, информация про битву на Туговой горе кочует из книги в книгу, посвященную Ярославлю. В пособии «История Ярославского края», в главке «Народные восстания», посвященной событиям начала XIII века, мы читаем: «Одной из попыток активного сопротивления было открытое выступление с оружием в руках жителей Ярославля против отряда татаро-монголов 3 июля 1257 г. Битва состоялась недалеко от города, за рекой Которослью, на горе, названной позже Туговой. Ярославцы бились храбро, но силы были неравны. Сражение закончилось победой монголов. „Звук мечей и военных труб. – говорилось в предании об этом событии, – запо-

нился стонами и воплями безутешной скорби осиротевших, и долго после этого сходились ярославцы на место сражения плакать и тужить по убитым“ (именно поэтому гора, на которой происходило сражение, была названа Туговой)».[32] Тугова гора, с упоминанием о трагической битве, встречается наверное во всех справочниках и путеводителях, посвященных Ярославлю, которые выходили за последние полторы сотни лет.[33] Автор многих путеводителей последнего времени, В. Г. Глушкова, в своей книге посвященной Ярославской земле, даже пишет: «Битва на Туговой горе – первое представительное выступление русских против ордынского владычества».[34] Так или иначе, «туговогорский» миф крепко засел в региональной, да и не только региональной истории.

Если бы на самом деле существовал обычай подобного поклонения, т. е. были бы «туговы» места, то мы имели бы не два рассматриваемых названия, а куда больше. Да и исследователи застали бы и описали такой элемент традиционной культуры. Но, на данный момент у нас только одно место неудачной битвы, да и еще место, в котором непонятно почему тужили. Аналогий подобным «тужильным» местам в русской культуре нет. Места битв и прочих трагедий стали особо почитаться сравнительно поздно. Прежде же о них начинали забывать уже через несколько поколений.

Однако, давайте прежде всего посмотрим на тот факт, что битва иноком упомянута, как произошедшая на Туговой горе. Тут намек на то, что свое имя она получила ранее трагичного для жителей города сражения, до того, как сюда могли приходиться потомки погибших и «тужить» по ним. Еще один важный момент – посвящение храма, который был поставлен на Туговой горе столетиями позже легендарного сражения. Прежде всего, здесь надо обратить внимание на то, что история церкви начинается не сразу же после битвы, когда еще были живы ее современники и родственники убиенных, а много-много позже, аж в XVII столетии. Да и посвящена она Параскеве Пятнице, к помощи которой прежде всего обращались торговцы. Другие, известные нам престолы храма также не имеют посвящения, связанные с покровительством воинам и т. п.

Вполне возможно, что и этот топоним связан с бывшими здесь когда-то зарослями дикого хмеля, который застали представители местного мерянского мира. Уже во времена русскоязычия в крае древнее название сохранило свой корень, но было русифицировано. Однако, мы должны довольствоваться только догадками, поскольку источники разных времен не донесли до нас ранние формы звучания этого топонима. Дикий хмель растет и на территории Ярославского края, а чуть восточнее, в Костромской губернии, исследователи русского хмелеводства выделяли особый Костромской хмелеводческий район. И. И. Засухин считал его одним из старейших и крупных.[35] Авторы начала XX века отмечали, что здесь хмель выращивали, в основном, по реке Костроме.[36]

Ну, и, наконец, чтобы закончить с Туговой горой, хочется обратить внимание на идентичность посвящений храмов мещерского погоста Туголес и на ярославской горе. Возможно, что это просто совпадение, но не исключена и закономерность. И в том, и в другом случае в храмах были и другие престолы, но их посвящения остались в тени посвящения Пятницкого. Выше мы уже упомянули, что к Параскеве Пятнице любили обращаться торговцы, но она также помогала от падежа скота, от болезней и т. п. Ее своей покровительницей считали все, кто занимался сельским и домашним хозяйством. Но, еще раз хотелось бы отметить, что никакого отношения к воинам ее покровительство не имело. Параскевинский (Пятницкий) храм могли поставить на месте битвы разве только в случае, если таковая произошла в день памяти этой святой.

* * *

Нам хотелось бы еще коснуться Ярославского региона. Нет ли в нем еще мест, которые носили бы названия, созвучные Туговой горе? Если взять книгу «Список населенных мест Ярославской губернии», вышедшую в 1901 году, то можно найти ряд селений, которые носят имена, которые могли иметь общее с нашим топонимом происхождения. Сразу же надо оговориться, что представляемое нами явно подверглось значительной трансформации, будучи используемо на

протяжении не одного столетия русскоязычным населением. В Ярославском уезде, в Городищенской волости, мы обнаружили аж две деревни с названием Тугарниха.[37] В Ильинской волости была деревня с названием Таковая.[38] В последнем случае, «туг», «таг» вполне могло со временем превратиться в «так». В Даниловском уезде, в Середской волости, была деревня Таганово.[39] В Козской волости Любимского уезда мы встретили деревню Тукалка.[40] В Мусорской волости Пошехонского уезда была деревня Таковые.[41] В Романово-Борисоглебском уезде существовала деревня с именем Тужики, исходная форма имени также могла быть сходной с Туговой горой.[42] В Рыбинском уезде были деревни Большая и Малая Тоговщина.[43]

В том же издании мы не могли оставить вне своего интереса и русскоязычные параллели «хмелевым» топонимам. В Даниловском уезде, в Богородской волости, была деревня Хмельниково,[44] в Залужской волости – Хмельники,[45] в Карповской и Поповской волостях было по одной деревне Хмельнишново.[46] В Любимском уезде была деревня Хмеленицы в Козской волости, [47] деревня Хмелевки в Осецкой волости[48] и Хмелевицы в Черностанской волости.[49] В Пошехонском уезде мы нашли: поселок Хмелевка в Ермаковской волости,[50] деревню Хмелевое в Мусорской волости,[51] а также село Хмелевое,[52] которое было центром целой Хмелевской волости.[53] В Романово-Борисоглебском уезде: деревня Хмельники Алексейцевской волости,[54] Хмельнишное болото Шеготской волости.[55] В Ростовском уезде мы нашли целых три деревни с именем Хмельники: в Бердниковской,[56] Карашской[57] и Щениковской волостях.[58]

Помимо этого, хотелось бы остановиться и на названиях деревень Похмелки Трушковской волости Пошехонского уезда[59] и Похмельево Максимовской волости Романово-Борисоглебского уезда.[60] С одной стороны, это, конечно, может идти от обычного слова в значении «похмелье», однако, как оно могло стать причиной появления названия деревни в ярославской глубинке, где в прошлом с употреблением алкоголя было строго. Мы осмелимся предположить, что два вышеприведенных имени селений произошли от расположения «по хмельнику» и изначально звучали не в таком

уж «аморальном» варианте. Аналоги здесь «Поозерье», «Поречье» и т. п. Здесь, возможно, надо посмотреть на то, как имена этих деревень звучали в более ранних источниках.

Русские варианты «хмелевых» названий в Ярославском регионе мы привели для того, чтобы показать определенную закономерность их возникновения. Если они возникали в то время, когда появлялись вышеприведенные деревни, то в честь обильно растущего хмеля могли назвать урочище (в данном случае гору) и в период, когда здесь говорили на мерянском языке.

* * *

Существует еще один интересный топоним, могущий нас заинтересовать в ходе разговора об имени Туглицы. В западной части Ленинградской области, прежде – Санкт-Петербургской губернии, есть деревня Теглицы, входившая к началу XX века в состав Власовского общества, Бегунинской волости Петергофского уезда. [61] Это селение возникло еще в тот период, когда та местность не входила в состав русских земель, была под шведами, а проживало на ней преимущественно финно-угорское население (водь, ижора). Касательно этого названия, мы, как и обещали, вспомним карельское и вепское *taqa, taka* в значении «задний, расположенный сзади». [62] Теглицы изначально были ижорским селением и в их случае историю происхождения названия надо искать именно в прибалтийско-финских языках.

Хмель в Егорьевском уезде в 1880-х гг.

Вначале немного о хмеле в прежнем Егорьевском уезде в общем. Земли этой административной единицы соприкасались с уголками Богородского и Бронницкого уездов Московской губернии, Покровского уезда Владимирской губернии, где известно хмелеводство. Авторы, писавшие о последнем во второй половине XIX – начале

XX вв., обозначали весь этот регион как «Гуслицкий». Здесь сразу надо оговориться, что, хотя он и включал в себя территорию исторической местности «Гуслицы», входившей в состав Богородского уезда, но не совпадал с ее границами, включая и ряд соседних местностей. Название было дано авторами-хмелеводами для удобства обозначения интересующего их края. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с обозначении старообрядческих микрорегионов нынешнего запада Подмосковья, которые некоторыми историками и фольклористами также записывается в Гуслицы. К примеру обозначения «гуслицкого» хмелеводческого региона можно привести строки М. М. Неймана: «Первое место по производству старого русского хмеля занимает местность, называемая Гуслицы, имеющая пространство приблизительно около 1000 квадратных верст. Стоит она из частей трех губерний: Московской, Владимирской и Рязанской, а именно из частей уездов: Богородского, Бронницкого, Покровского и Егорьевского...».[63] Мы нашли четкое отделение собственно Гуслиц от остальных частей большого хмелеводческого региона только у двух авторов, оба из которых побывали здесь лично. Н. И. Железнов, описывая выращивание хмеля в самих Гуслицах, уделяет немного внимание и Егорьевскому уезду. Мы об этом упомянем чуть ниже. Р. И. Шредер, в своей работе 1878 года, побывав накануне (с 11 по 17 августа 1877 года) в Гуслицах, также описывает только гуслицкие хмелеводческие места, опуская находившиеся в соседних местностях, но, это редкие случаи.[64] И. И. Засухин писал в начале XX столетия, что хмелеводство в Егорьевском уезде распространено в западной части.[65] Этот автор ссылается на докладную записку генерала Балашова, сообщавшего, что в 1823 году с территории Егорьевского уезда в Москву и Санкт-Петербург до 25000 пудов хмеля.[66] Однако, почти через столетие все хмелеводческие уголки «Гуслицкого» района, не входившие собственно в исторические Гуслицы (четыре волости Богородского уезда Московской губернии – Ильинская, Беззубовская, Дорховская и Запоторская), вместе с Егорьевским уездом давали всего до 5000 пудов хмеля. «Очень характерно между прочим то обстоятельство, что в Егорьевском уезде, где не принимали никаких мер по улучшению

культуры хмеля, хмелеводство стоит на точке замерзания, так как и приемы обработки хмеля и сорта его остались прежними».[67]

Еще в 1930-х гг. в Егорьевском районе, одном из двух, наряду с Куровским в Московской области, активно занимались хмелеводством.[68] Это мы видим из специальной литературы того времени.

А теперь немного подробнее рассмотрим места в «Туглицах», где выращивали хмель. Известный российский хмелевод Н. И. Железнов, который как мы уже упомянули выше, бывал в регионе лично, так пишет про хмель в Егорьевском крае. «На восток же от Егорьевска, оно простирается еще далее по касимовской дороге, однако эта часть г. рязанской уже не называется Гуслицами и составляет особый край, откуда вывозят также довольно много хмеля, известного под именем починковского, от села Починок, славящегося разведением хмеля».[69] Железнов далее дает некоторую характеристику егорьевского хмелеводства: «Я начну эти дополнения с тех местностей, которые лежат недалеко от Гуслиц, или немногим отличаются от них по способу разведения хмеля. Сюда можно причислить касимовский и егорьевский уезды рязанской губернии. (названия даю как в тексте Железнова с маленькой буквы – С. М.) Особенного внимания заслуживает последний; за Егорьевском, вдоль касимовской дороги и по реке Цне, расположено несколько деревень, занимающихся разведением хмеля с таким же успехом, как в Гуслицах, и собственно между этими двумя странами нельзя определить границ потому, что одна составляет непосредственно продолжение другой. Однако, в более отдаленной части Егорьевского уезда, именно в местностях, отличающихся по тщательности разведения хмеля, в селе Починках и деревнях Анохине, Ерохине, Елагине и Крехтине, замечаются некоторые особенности. Здесь хмельники разведены на сером песке или на лесном черноземе, они лежат большею частью на возвышенностях и потому редко отделяются канавами, крестьяне замечают их колышками, как и поля».[70]

Железнов в сносках также сообщает нам названия селений, в которых по состоянию на начало 1870-х гг. занимались выращиванием хмеля, а также те, в которых оно было прежде, но к моменту приезда автора прекратилось. Названия населенных пунктов были сообщены

ему в Егорьевске, уроженцем деревни Сурино Павлом Петровичем Лежневым. Сам Железнов относился к данному списку критично и отмечал, что «оба приложенных... списка требуют поэтому пересмотра».

Вот населенные пункты, в которых занимались выращиванием хмеля: Плес, Княжево, Парикина (судя по всему – Парыкино), Фильчаково, Паринская, Букишево, Колычево, Суханово, Панино, Ивановка, Лаптево, Ваниши, Кукишево, Дмитриевская, Гора, Кумово, Полбино, Поповская, Бутово, Жулево, Мелентьево, Ласьино, Ласино, Барсуки, Русская, Михалево, Сергиево или Иваново, Пантелеево, Дедново, Шенцово, Разбойниково, Лосино, Починки, Крекшино, Анохино, Новое Ерохино, Старое Ерохино, Малое Ильино, Большое Ильино, Никоново, Владычино, Рябки, Ем, Тютино, Поповка, Алешино.

В этих же населенных пунктах, где по данным Железнова хмельники были даже нанесены на карту, они были уже «уничтожены»: Румянцево, Васютино, Хватово, Семеновская, Захарово, Щеголево, Юрцово, Маленская, Чангирево, Юркино, Ивановская, Дмитриево, Тамохино, Денино, Колычево, Спасское, Шашкино, Харланово, Тимшино, Старинская, Тюшино, Кагино, Терехово, Гаврино.[71]

По состоянию на 1880-е гг., судя по «Сборнику статистических сведений по Рязанской губернии», хмелеводство в Егорьевском уезде выглядело следующим образом. Во вступлении в издание мы встречаем такие строки: «В некоторых волостях Егорьевского уезда (Парыкинской, Починковской и др.) население занимается разведением хмеля в довольно значительном количестве. По собранным сведениям, под хмелевыми плантациями находится 272 дес.»[72] В самой книге прецеденты хмелеводства встречаются в описаниях самих волостей и селений. Здесь, как ни странно, вопреки уверениям авторов вступления, ни в Парыкинской, ни в Починковской волостях хмелеводов не упомянуто.[73] Возможно, они и были, но ускользнули от внимания исследователей. Но, мы узнаем о том, сколько домохозяев занималось разведением этой культуры в других уголках уезда.

В Горской волости, в деревне Спирино, хмелеводством занималось 40 домохозяев, которые собирали с хмельников 103 пуда урожая.[74] В Бережковской волости, в вводном материале об этом микрорегионе, говорится о 50 семьях, которые имели свои хмель-

ники и собирали с них до 140 пудов.[75] Однако, в характеристиках самих селений мы находим хмелеводом только в шести населенных пунктах, и число семей никак не достает до заявленного ранее. Судя по всему, составляли описание конкретных деревень и писали общие материалы разные люди, которые пользовались разными сведениями. В этой волости хмелеводом мы встречаем в деревне Лобановской (в одной общине – 2 семьи, собиравшие 3 с половиной пуда, во второй общине – две семьи, собиравшие семь пудов хмеля), в дер. Маловской (из всех трех сельских общин только в одной две семьи, которые набирали до двух пудов), в дер. Чигарово (в первой общине – пять домохозяев собирали 11 с половиной пудов хмеля, во второй общине – два домохозяина собрали 4 с половиной пуда хмеля), в дер. Соколово (два домохозяина набирали два пуда хмеля), в дер. Бурцево (только один домохозяин набирал 4 пуда хмеля), а также в деревне Собанино две семьи набирали до 8 пудов хмеля.[76]

Здесь сразу надо заметить, что в разных случаях авторы, не поясняя читателям, дают и количество пудов, которые набирают хмелеводы одного селения вместе, и количество, каковое набирает каждый хмелевод.

В Середниковской волости хмелеводство мы находим только в деревне Новшино. В этом селении было десять общин, которые прежде, до 1861 года, принадлежали разным владельцам-помещикам. Из этого числа владельцы хмельников были зафиксированы только в четырех. В одной 7 семейств набирали пять пудов хмеля (скорее всего вместе – С. М.), в другой – 10 семей до 22 пудов, в третьей – 2 семьи около пуда хмеля (каждая – ?), и, наконец, в еще одной общине 3 семьи набирали 3 пуда хмеля.[77]

В Старо-Василевской волости, хмелеводством в рассматриваемый период занималось только два домохозяина, которые собирали от трех до пяти пудов урожая. В каком (или каких) именно селениях жили эти хмелеводы, источник не сообщает.[78]

В соседней Петровской волости наблюдалась совершенно иная картина. Здесь хмелеводство встречалось в четырех селениях. Самое большое число хмелеводов жило в деревне Грибчиха: 26 семей имело свои хмельники. Урожая собирали от 1 до 6 пудов. В селе Васютино

хмелеводством занималось только 4 домохозяина, которые ежегодно продавали хмеля от 2 до 5 пудов. В дер. Чукаево только две семьи имели хмельники (продавали два пуда хмеля), а в д. Софряково – один домохозяин со своего хмельника собирал до 2 пудов хмеля.[79]

В Нечаевской волости, которая располагалась вплотную к важнейшему хмелеводческому району – Гуслицам, – разведение хмеля играло важную роль только в трех селениях (в этой волости было больше всего населенных пунктов). В деревне Семеновская указано, что «...многие собирают хмеля от ½ до 10 пудов...».[80] В деревне Михали 30 домохозяев имели хмельники, с которых собирали от 2 до 6 пудов хмеля.[81] И, наконец, в селе Дмитриевцы «...почти все домохозяева (62) имеют свои хмельники, с которых набирают от 1 ½ до десяти пудов, некоторые даже до 25 пудов хмеля...».[82] Мы также нашли информацию, что в деревне Жучата, есть четыре торговца кожаными и юхтовыми товарами «...и хмелем». Один из них держал лавку в Ново-Егорье, другой – в самом Егорьевске.[83]

В Круговской волости только в одном селении, а именно в деревне Поповская, «Почти все хозяева (53) имеют хмельники, с которых набирают от 10 фунтов до 3 пудов хмеля».[84]

В Куплянской волости «...в некоторых общинах почти все домохозяева имеют свои хмельники, с которых собирается хмеля от 1 до 15 пудов...». Из этих «некоторых» общин упомянуты три: дер. Ново-Покровская, Молодинки, а также село Никиткино. В первом селении «...почти каждый домохозяин имеет свой хмельник, с которого набирает от 1 до 15 пудов хмеля...». В Молодинках – также «почти каждый домохозяин» набирал от 1 до 10 пудов. А в Никиткине – «...редкий домохозяин не имеет своего хмельника, который дает от 1 до 10 пудов хмеля...».[85]

И, наконец, хмелеводом мы находим в Василевской волости, в двух деревнях – Панино и Суханово. И там, и там только «некоторые домохозяева» имели свои хмельники. В первом случае набирали от 15 фунтов до пуда, во втором – от 1 до 6 пудов.[86]

Волости мы перечислили в том порядке, в каком они следуют в «Сборнике...». В Дерсковской, Троицкой, Архангельской, Старовской, Семеновской, Двоенской, Коробовской, Лекинской, Парыкинской,

Лузгаринской, Раменской, Починковской, Маливской, Лелчинской, Колычевской, Дубровской волостях в материалах хмелеводы не показаны. Касательно Парыкинской и Починковской волостей здесь мы натываемся на несоответствие с вводной статьей «Сборника...», где нам дают информацию об этих административных образованиях, как о местностях, имеющих развитое хмелеводство. Впрочем, мы об этом уже сообщили. Также приведенные сведения несколько расходятся с полевым материалом автора. В 2007 году мне довелось беседовать со старожилами деревни Горелово, прежней Архангельской волости. Местные бабушки, некоторым из которых было и за 90 лет, говорили, что у них и в соседних селениях народ занимался ткачеством (нанка) и хмелем. Еще важным для нас моментом является сохранявшаяся еще в 2010 году кирпичная часть хмелесушилки, которая находилась возле населенного пункта Алфёрово, в восточной части Егорьевского района. Сооружение это идентично тому, что стоит возле деревень Мисцево и Запутная и спутать его с чем-то еще невозможно. Судя по его формам, кладке кирпича и др. особенностям, возведено оно было же в советское время.

Но, в рассматриваемый приведенным справочным изданием период хмелеводство в Егорьевском уезде фактически вступило в завершающую эпоху своего существования. Оно кормило уже не столь большое число жителей края, как ранее. Исчезло оно уже в середине XX столетия, когда прежние хмелевые плантации власти решили обратить в картофельные поля. По крайней мере еще в самом начале 2010-х гг. сохранялись кирпичные части хмелесушилок возле нпп. Запутная (Орехово-Зуевский район) и Алферово (Егорьевский район). Первое селение входило в состав совхоза «Титовский», где дольше всего сохранялись хмельники: последние выгорели во время знаменитых пожаров 1972 года, после чего уже не восстанавливались. По словам последнего директора совхоза, Владимира Сергеевича Воронцова, с которым автор имели честь беседовать, запутновская хмелесушилка использовалась до последнего. Помимо нее еще была сушилка возле деревни Мисцево, которая была целой еще в конце 2010 года. Чуть позже ее деревянные части рухнули. Нам ее облик сохранил А. Белковский, успевший сделать ряд снимков.

Туглицы и Гуслицы

На наш взгляд, нельзя пройти мимо такого вопроса, как современное «записывание» в исторический Гуслицкий регион города Егорьевска и окружающей его местности, которая, как мы выяснили, все же была в Туглицах. «Традиция» вставлять в число селений древней административной Гуслицкой волости появилась довольно давно. Ее «памятники» мы приведем чуть ниже.

Гуслицам вообще не повезло – этот термин используют специалисты разных дисциплин для того, чтобы обозначить именно свой подопечный ареал на востоке современной Московской области. Выше мы уже упоминали про хмель и Гуслицкий район хмелеводства. В настоящее время чаще всего в Гуслицы записывают весь старообрядческий массив востока Подмосковья, включая сюда и исторические Вохну, Загарье, Гжель и другие местности.[87] Филолог А. Ф. Войтенко, изучавшая подмосковные говоры, зашла очень далеко и записала по своему усмотрению в «Гуслицы» восемнадцать административных районов Московской области, полностью или в виде отдельных населенных пунктов, на основании того, что в них ею был встречен термин «хмелевая корзина».[88] Касательно этого автора, то в ее произведениях, целью которых ставится прежде всего определение лингвистических границ, Гуслицы (в данном случае – Гуслица) определяются более чем вольно. Она цитирует Гиляровского и А. Перегудова, журналиста и художественного автора, не найдя, видимо, более авторитетных исследователей (И. Ордынский, правда, процитирован). Войтенко делает вывод, что: «скорее следует говорить о том, что границы Гуслицы не были предметом внимания исследователей».[89] а посему, видимо, она решила, что именно ей дана такая миссия. В книге «Что двор, то говор», мы встречаем такую фразу Войтенки – «...мы считаем целесообразным расширить границы Гуслицы...».[90] Вот отсюда и куча населенных пунктов и целых районов, которые зачастую даже не соседствуют с историческим Гуслицким регионом.

Часто можно было встретить употребления рассматриваемого нами термина исключительно для границ старой волости Гуслица, хотя поздние Гуслицы вышли за ее границы.[91]

На наш взгляд, здесь прежде всего сыграла похожесть названий – Гуслицы и Туглицы, что заставляло пришлых авторов Гуслицы были известны, их знали во многих уголках России. Эти авторы могли заставить историческую память население края о том, что село Высокое – будущий Егорьевск, – когда-то было центром микрорегиона, который именовался Туглицами. Корреспонденты, написавшие процитированные нами в начале повествования заметки, откуда-то же брали это географическое имя, которого не было на административных картах. Люди помнили Туглицы, явно знали их границы, а также, неизбежно, населенный пункт, который исторически являлся их центром. Они знали, чем отличаются Туглицы от соседних Гуслиц, четко представляли их границу. Но, заезжие на краткое время московские и рязанские историки, статистики и т. п., не видя ни одного, ни второго уголка на официальных картах, легко могли спутать их. Приписать менее известный (даже практически неизвестный) во внешнем мире уголок к соседнему, о котором повсюду шла слава.

Известный егорьевский краевед Владимир Иванович Смирнов, просидевший немало лет в архивах, на эту тему писал: «К сожалению, искаженные исторические факты и ссылки на несуществующие акты продолжают кочевать из книги в книгу, порождая ошибки и вымыслы. Утверждение о том, что с. Высокое входило в состав Гуслицкой волости, документально ничем не подтверждается.».[92] Далее Смирнов указывает на очень важный момент – село Высокое находилось в составе древнего Коломенского уезда, ранее, до князя Даниила Московского, бывшего в Рязанском княжестве, а Гуслица находилась на землях, которые Москве достались от княжества Владимирского. Позже волость Гуслица административно находилась в древнем Московском уезде.

Однако, надо привести и сами «искаженные факты и ссылки на несуществующие акты», с которыми справедливо борется В.И. Смирнов. Самое интересное, что это есть в официальных изданиях Рязанской губернии. Приведем хотя бы «Календарь Рязанской губернии на 1905 год», где мы читаем что: «Егорьевск сделан уездным городом в 1778 году, а ранее на его месте в XVI веке была

деревня Высокая, входившая в состав Гуслицкой волости и принадлежавшая знатному боярскому роду Бякота...».[93] Сразу прокомментируем, что «Бякота» – это род Бяконт, из которого происходил Святитель Алексей Митрополит Московский. Этому роду в свое время принадлежали земли, где впоследствии известно Высокое, что позволило последующим местным историкам-краеведам утверждать, что их земли непосредственно связаны с личностью святого. Тоже самое, про принадлежность роду и вхождении деревни Высокой в состав Гуслицкой волости писал и известный историк И. Д. Токмаков. Читая его соответствующие строки мы видим, что он использовал тот же источник, что и авторы рязанских губернских изданий. [94] Эти, казалось бы очень авторитетные источники и послужили тому, что информация о принадлежности предшественника города Егорьевска – села (деревни) Высокое – Гуслицкой волости, впоследствии пошло и в другие, более поздние издания.

Напоследок приведем еще некоторые строки А. Ф. Войтенко, касающиеся Гуслиц. До того, как эта исследовательница установила свои границы Гуслицы, она все же приводила сведения о размерах края из других источников, не цитируя особо их. Так в ее книге мы читаем об оном диалектном слове: «Оно распространено в Гуслице, на территории Орехово-Зуевского района».[95] Здесь все-таки есть привязка к настоящим границам края. Далее, она вслед видимо за приведенными нами источниками, или же услышав мнение неких консультантов, их читавших, дает следующее: «По некоторым источникам к Гуслице относились все деревни по реке Гуслица ... с селом Высоким, ныне г. Егорьевск, считавшимся ее центром...».[96] То, что испокон веков во всех источниках центром волости Гуслица упоминается село Гуслицы – Ильинский погост, ей, судя по всему, никто не сказал. Интересным у этого автора можно назвать и эксклюзивный вариант наименования деревни Устьяново – Усть-Яново.[97] Или это ошибка при вычитке материала, или же Войтенко записала имя селения на слух, даже не переспросив информанта. Еще одним определением границ Гуслицы, которое мы встретили у Войтенко до включения в этот край чуть ли не всего востока современного Подмосковья, является попытка все на основании все той

же «хмелевой корзины» выделить некую «зону»: «Эта зона включает южную половину Орехово-Зуевского района, западную половину Егорьевского и северную часть Воскресенского».[98]

Попытки привязать Егорьевск к Гуслицам оперируя тем, что город стоит на реке Гуслица (в верхней чести течения именуется Гуслиянка), также несостоятельны. В древности волостью Гуслица, как мы посмотрим, считалась местность в южной части ее течения. Верховья, включая и место села Высокого – будущего города, за столетия ее существования в нее никогда не включались. Кстати, не исключено, что и река, и древний погост, а после и административная территория, центром которой он являлся, название изначально получили от какой-то древней родовой группы, здесь проживавшей. Эти люди жили в нижней части поймы реки и вокруг нее, а верховья были уже с другим населением. Изначально именем, из которого позднее трансформировалась форма «Гуслица», могло называться только нижнее течение, а потом оно перешло и на верховья. Имя же реки и волости в настоящее время традиционно стараются выводить от финно-угорского «ель»: *коз* в мокшанском[99] и эрзянском,[100] *кож* в марийском,[101] *kuusi* в финском-суоми,[102] *куузи* – в карельском (славянская графика здесь использована по причине цитирования источника начала XX в.),[103] *кыз* в удмуртском,[104] *коз* по коми-пермяцки.[105] Мы видим, что в обоих случаях – в гуслицком и туглицком, – с течением времени сохранился древний финский корень, но появилось славянское окончание, причем в обоих случаях идентичное. Это не кажется удивительным – местности соседствуют и их имена трансформировались в языке, вернее диалекте, говоре, если не одного и того же, то по крайней мере близкого населения.

* * *

Местность Туглицы, ее границы, история происхождения названия, а также многие связанные с ней моменты, продолжают оставаться для нас загадкой. К сожалению, вряд ли она когда-либо будет разгадана по причине отсутствия необходимых источников, как письменных, так и устных. На наш взгляд, самое важное, что

нам сохранили хоть какие-то упоминания о Туглицях, заставившие нас говорить о них, попытаться проанализировать их место в истории Мещёрского региона.

К сожалению, до сего момента, кроме, конечно же, автора этих строк, никто не делал попыток разобраться с этой загадочной местностью. Скорее всего, подобная несправедливость была по той причине, что приведенные нами выше газетные заметки не попадались на глаза никому, кто занимался бы историей востока Подмосковья, Мещёрского края и Егорьевского уезда Рязанской губернии. Возможно, те исследователи, кому они попадались на глаза, не придавали им значение, поскольку имели какие-то другие цели своих исследований. Надеемся, что данная работа все-таки исправит несправедливость и будет небольшой попыткой сделать забытые Туглицы известными тем, кто занимается изучением восточной части современной Московской области и Мещёрского края в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Михайлов С.С. Таинственные «Туглицы». // Гуслицкая округа. Историко-краеведческий альманах Западной Мещёры. Вып. 4. Егорьевск, 2008. С.9–13; Михайлов С.С. Из истории традиционных названий местностей Егорьевского уезда. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 24. Рязань, 2010. С.198–203; Михайлов С.С. «Гуслицы» и «Туглицы». Имена двух исторических микрорегионов Западной Мещёры. // МЕЩЕРА-край – 2014. М., 2014. С.65–71.
2. Московский листок. М., 1884. № 266. 26 сентября.
3. Московский листок. М., 1885. № 47. 16 февраля.
4. Московский листок. М., 1885. № 278. 7 октября.
5. Богородская речь. Богородск, 1912. № 39. 23 сентября.
6. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. V. Вып. II. Егорьевский уезд. Рязань, 1887. С. XXVIII.
7. Там же.

8. Аграмаков Н. Прогулки по Рязани. Тайны губернской Рязани. Рязань, 2009. С.202.
9. Доклады Управы и журналы Уездного Земского Собрания XVII созыва 1890 года. Егорьевск, 1891. С.222.
10. Там же. С.223.
11. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии...С.407.
12. Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 4. Рязань, 1891. С.409–410.
13. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии...С.433.
14. Проходцов И.И. Населенные места Рязанской губернии. Рязань, 1906. С.100.
15. Челобитная вольных казаков царю Михаилу Федоровичу и боярские приговоры. // Советские архивы. М., 1985. С.60.
16. Там же. С.61.
17. Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С.325–326.
18. Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Игушев Е.А., Аксенова О.П. Сравнительный словарь пермских языков. Сыктывкар, 2008. С.241.
19. Ткаченко О.Б. Исследования по мерянскому языку. Кострома, 2007. С.261.
20. Русско-финский словарь. СПб., 1997. С.933.
21. Большой русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2011. С.379.
22. Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск, 2010. С.101.
23. Русско-мокшанско-эрзянский словарь. Саранск, 2011. С.509.
24. Балдаев Х.Ф. Марийско-русский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола, 2012. С.214.
25. Каротамм Н.Г. Русско-эстонский словарь. Тарту, 1946. С.279.
26. Русско-венгерский словарь. Киев-Ужгород, 1982. С.203.
27. Муллонен И.И. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С.51.
28. Русский биографический словарь в 20 томах. М., Том 8. С.405; Экземплярский А. Ярославские князья. // Русский биографический словарь в 25 томах. Т. 25. СПб., 1913. С.169.
29. Головщиков В.Д. История города Ярославля. Ярославль, 1889. С.44.

30. Рутман Т.А. Храмы и святыни Ярославля. История и современность. Издание 2-е. Ярославль, 2008. С.451.
31. Там же.
32. История Ярославского края. Ярославль, 2000. С.39–40.
33. См. например: Жельнис В.И. Прогулки по Ярославлю. Ярославль, 2001. С.153; Маров В.Ф. Ярославль. Архитектура и градостроительство. Ярославль, 2000. С.9.
34. Глушкова В.Г. Ярославская земля. Исторический путеводитель. М., 2010. С.36–37.
35. Засухин И.И. Хмелеводство и пивоварение в России и за границей. Пг., 1916. С.12–14.
36. Там же. С.6.
37. Список населенных мест Ярославской губернии. Ярославль, 1901. Ярославский уезд. С.6, 7.
38. Там же. С.9.
39. Там же. Даниловский уезд. С.25. (в приводимом нами издании, у каждого уезда идет своя нумерация страниц).
40. Там же. Любимский уезд. С.11.
41. Там же. Пошехонской уезд. С.17.
42. Там же. Романово-Борисоглебский уезд. С.11.
43. Там же. Рыбинский уезд. С.11.
44. Там же. Даниловской уезд. С.3.
45. Там же. С.13.
46. Там же. С.15, 24.
47. Там же. Любимский уезд. С.9.
48. Там же. С.15.
49. Там же. С.20.
50. Там же. Пошехонский уезд. С.9.
51. Там же. С.17.
52. Там же. С.39.
53. Там же. С.38–40.
54. Там же. Романово-Борисоглебский уезд. С.2.
55. Там же. С.38.
56. Там же. Ростовский уезд. С.2.
57. Там же. С.14.
58. Там же. С.24.

59. Там же. Пошехонский уезд. С.36.
60. Там же. Романово-Борисоглебский уезд. С.17.
61. Материалы по статистике народного хозяйства по Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. СПб., 1881. С.15., Приложение. С.20–21; Списки населенных мест Российской Империи. Санктпетербургская губерния. Т. XXXVII. СПб., 1864. С.153.
62. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С.51.
63. Нейман М. М. Хмелеводство в России и за границей. Дубно, 1887. С.19.
64. Шредер Р. И. Отчет о состоянии и значении хмелеводства в Гуслицах. СПб., 1878.
65. Засухин И. И. Хмелеводство и пивоварение в России и за границей. Пг., 1916. С.12.
66. Там же. С.13.
67. Там же. С.15.
68. Роднов С. Н. Хмель. Хмелеводство СССР. Мировое хмелеводство. Возделывание хмеля. Чебоксары, 1935. С.55.
69. Железнов Н. И. О разведении хмеля в средней России. СПб., 1875. С.19.
70. Там же. С.71–73.
71. Там же. С.72.
72. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. V. Вып. II. Егорьевский уезд. Рязань, 1887. С. XVII.
73. Там же. С.387–400, 474–488.
74. Там же. С.38.
75. Там же. С.50.
76. Там же. С.59, 65, 86, 95, 110.
77. Там же. С.124.
78. Там же. С.156–185.
79. Там же. С. 191, 194, 199, 202.
80. Там же. С.224.
81. Там же. С.251.
82. Там же. С.259.
83. Там же. С.257.

84. Там же. С.294.
85. Там же. С.295, 301, 302, 303.
86. Там же. С.469, 470.
87. См.например: Гуслицы. // Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С.82.
88. Войтенко А. Ф. Заметки о лингвистических границах старообрядческих говоров Подмосковья. // История и география русских старообрядческих говоров. М., 1995. С.15, 17–18; Она же. Московская диалектная лексика в ареальном аспекте. М., 2000. С.29–30.
89. Там же. С.16.
90. Войтенко А. Ф. Что двор, то говор. М., 1993. С.107.
91. Ордынский Н. Раскол и благотворительность в Гуслице. СПб., 1863. С.1–21.
92. Смирнов В. И. Мы – егорьевцы. М., 1999. С.33.
93. Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С.192.
94. Токмаков И. Д. историко-статистическое описание города Егорьевска Рязанской губернии. М., 1901. С.1.
95. Войтенко А. Ф. Что двор, то говор... С.17.
96. Она же. Заметки о лингвистических границах старообрядческих говоров Подмосковья... С.15–16.
97. Она же. Что двор, то говор... С.107.
98. Там же.
99. Шанкина В. И. Мокшанско-русский словарь, Русско-мокшанский словарь. Саранск, 1993. С.253.
100. Эрзянско-русский словарь. Русско-эрзянский словарь. Саранск, 1993. С.223.
101. Русско-марийский словарь. (Йошкар-Ола). 1941. С.39.
102. Русско-финский словарь. М., 1935. С.156.
103. Русско-карельский словарь. СПб., 1906. С.22.
104. Насибуллин Б. Ш., Максимов С. А., Игушев Е. А., Аксенова О. П. Сравнительный словарь пермских языков. Сыктывкар, 2008. С.68.
105. Там же.